

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Анна
Матвеева

Финалист премий
«Национальный
бestseller»
и «Большая книга»

ГОРОЖАНЕ

Удивительные
истории
из жизни людей
города Е.

Анна Александровна Матвеева

Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22406219

Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е. : [рассказы] / Анна Матвеева. : АСТ : Редакция Елены Шубиной; Москва ; 2017

ISBN 978-5-17-100421-7

Аннотация

Книга «ГОРОЖАНЕ» – это девять новелл, восемнадцать героев. Один необычный город глазами Анны Матвеевой: лицом к лицу. Здесь живёт драматург с мировым именем Николай Коляда, родился великий скульптор Эрнст Неизвестный, встретились когда-то и подружились опальный маршал Жуков и знаменитый уральский сказочник Бажов. Владимир Шахрин – ещё не ставший лидером легендарной группы «Чайф» – меняет пластинки на барахолке, Евгений Ройзман – будущий мэр – читает классиков в тюремной камере; на улицах эпатирует публику старик Букашкин – незабываемое лицо города. Ещё стоит нерушимо Ипатьевский дом – место казни императорской семьи, а будущий хозяин города Борис Ельцин – пока только студент. Новая книга Анны

Матвеевой о всех них – людях, домах, историях города Е. Парные портреты ярких личностей соединяют дальние века и рифмуются судьбами.

Содержание

Смех Мельпомены	8
Имя на камне	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Матвеева
Горожане. Удивительные
истории из жизни
людей города Е

*Посвящается
всем жителям Екатеринбурга лучшего в мире
города!*

Анна Матвеева
ГОРОЖАНЕ

Удивительные истории
из жизни людей
города Е.

В оформлении переплета использована фотография Анны Матвеевой (фотограф Дмитрий Скутин)

Идея книги принадлежит Ельцин центр

Смех Мельпомены

СМЕХ МЕЛЬПОМЕНИ

1, 4 *Виталий Волович – художник, который любил петь*
2, 3 *Ян Вутирас – любимец свердловских театралов*
5 *Виталий Волович и Михаил Брусиловский*

1

Мальчику – десять лет, театру – двадцать шесть, городу – двести пятнадцать.

Даты определяют жизнь и судьбу, как в опере всё определяет тембр голоса. Теноров любят сильнее, чем баритонов, тенор – герой по определению, а баритону всякий раз приходится доказывать, что он тоже может им стать.

Голоса из чёрных репродукторов долгое время не имели судьбы и жили отдельно от тел, зато у них были имена – тарелки на столбах задумчиво объявляли специально для мальчика: *поёт Ян Кипура* (похоже на Йом-Киппур, если произносить быстро), или *Беньямино Джильи* – имя звучит без всякой музыки, оно и есть – музыка. Ария Рудольфа из «Богемы»: «Холодная ручонка, надо вам её согреть...»

Мальчик не примерял к себе голоса из чёрных тарелок – воистину инопланетные в бело-сером графичном Свердловске. Разве что в школе пел вместе со всеми и даже танцевал, как умел, – трот-марш.

Мимо театра мальчик ходил довольно часто – белое, со

взбитыми сливками, здание-торт. Совсем ещё молодой театр, совсем невеликий мальчик, туман будущего – лист бумаги, на котором пока ещё ничего не нарисовано. Над ним думают, вертят в руках так и этак. Мальчик любит рисовать, возможно, он станет художником. А театр, говорят, был построен по образцам одесского и венского – но мальчик не был ни в Одессе, ни в Вене, ему не с чем сравнивать. Ещё говорят, что проект театра назывался женским именем «Светлана», поэтому мальчик мог бы считать Светланой одну из трёх девушек, пристроившихся на фронтоне здания, но мальчик много читает и знает, что это – музы. Талия, Мельпомена, Терпсихора. Мельпомена – главная из трёх сестер, нечеховских не-мойр. Она самая высокая (три метра сорок сантиметров) и держит над головой факел – всё правильно, трагедия всегда во главе, и только в свете её факела можно различить другие события жизни – радости, успехи, недолгое счастье...

Родился мальчик далеко от Свердловска: если смотреть по карте – закружится голова, если приставить к ней (к карте, а не к голове) школьную линейку – длины не хватит. Иногда не получается мерить всё одной линейкой.

Владивосток, где жила его мама, и Спасск-Дальний, где родился он сам, – далёкие точки на географической карте. Владивосток так опасно висит на боку материка, что кажется, вот-вот рухнет в воду, а рядом с городом Спасск-Дальний кто-то пролил синюю каплю – озеро Ханка. Невозможно

представить себе, как мальчик жил бы в этих городах-точках, они не имеют никакого отношения к ним с мамой – и к Свердловску.

Его мама – писательница Клавдия Филиппова, единственный родной человек. Так сложилось, что других родственников у мамы с мальчиком нет – во всём мире, в Свердловске, в Спасске-Дальнем, в Одессе и тем более в Вене. Конечно, у него был отец (отцы есть – или, по крайней мере, были – у всех), но тот человек не хотел быть отцом и сказал маме фразу, которая будет горячо биться в висках мальчика всю жизнь: «Выбирай: или я, или ребёнок».

Она выбрала ребёнка, назвала его самым живым, жизненным именем – Виталий. Потом, в очень далёком будущем, расстояние до которого тем более не измерить школьной линейкой, одна умничающая девушка расскажет, что Виталий – монашеское имя: мирян так прежде не называли, не было принято. Второе монашеское имя, по сведениям девушки, – Виктор. Интересно, что мальчика дома называли Витей, а не Виталиком или Виталей.

Ну вот уж монахом он точно не был! И с девушками не только умничал, но всё это было позже. А в 1938 году, когда чёрные тарелки пели на разные голоса, они уже довольно долго жили в Свердловске – почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не узнает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего,

где жил мужчина, не желавший стать отцом, но ставший им? Глядя на Мельпомену, упрямо освещающую фонарём площадь Парижской коммуны, мальчик думает – возможно, потому, что здесь был оперный театр.

В Свердловске его мама много работала, у неё выходили книги, она дружила с коллегами, и они любили её – хотя писатели обычно никого не любят, особенно коллег. К маме нежно относился Павел Петрович Бажов, пока что не превратившийся в бюст на фасаде библиотеки имени Белинского. Ещё один перескок в будущее – иначе нельзя, если пишешь о прошлом. Юная краеведка показывает иностранному гостю бюсты на фасаде Белинки, бойко перечисляя: «Толстой, Маяковский, Белинский, Мамин-Сибиряк, Горький, Пушкин...» Как вдруг запинается, глядя на Бажова: «А это, а это... ещё один Толстой!» Иностранец не удивился – точнее, он уже устал удивляться российскому своеобразие, и почему бы дважды не увековечить на одном и том же фасаде великого русского писателя?

В 1938 году никто не думал о мемориальных досках и славе...

Мама вышла замуж, у отчима были свои сын и дочь, а ещё у него были отличная библиотека, патефон и пластинки. На одной из пластинок записаны куплеты Эскамильо:

Стремясь вперёд,
он кровью уж обагрывает цирк

Тут у многих духу не хватает.
Твой черёд настаёт!
Тореадор, смелее!
Тореадор, тореадор!
Знай, что испанок жгучие глаза
В час борьбы блестят живей,
И ждёт тебя любовь, тореадор!
Там ждёт тебя любовь!

Мальчик до недавней поры с удовольствием ходил в цирк и очень любил его – но Эскамильо поёт совсем о другом цирке. По-русски поёт – все оперы в Свердловске, как и в других театрах СССР, исполнялись в переводе. *Зрители должны понимать, о чём идёт речь на сцене.*

– Это из оперы «Кармен», композитор Бизе, – объяснила мама.

Одноклассница Аля Рылова, в которую мальчик страстно влюблён (он всегда влюблён – для него это нормальное состояние, а не наоборот), ходила в театр *слушать* эту оперу. Ещё одно открытие – оперы не смотрят, а слушают.

Теперь они идут в театр вместе: десятилетняя девочка и десятилетний мальчик – кажется, с ними увязался кто-то ещё, друзья из поющего класса.

Три года до войны.

Билеты на галерею – самые дешёвые, мальчик не знает, что истинные ценители всегда выбирают места *повыше*: здесь самый лучший звук. Жаль, что декорации с галёрки

не рассмотришь в подробностях и лица артистов приходится додумывать... В антракте они обязательно спустятся в партер, посидят на стульях фирмы «Тонет», сунут нос в яму, где скучают брошенные инструменты, и – снова вверх по лестнице, *знай своё место*. Где-то там, над ними, Мельпомена тянет вверх свой факел. По улице сани везут корзину с торфом, покрытым брезентом, мама прячет в шкаф керосинку, которой почему-то нельзя пользоваться в доме, а здесь, на сцене, – Испания, Севилья, табачная фабрика. И вдруг выходят люди – артисты, в костюмах, как и должно быть в театре: но вместо того, чтобы говорить, они начинают петь! Кто бы мог подумать, что в опере поётся всё – не только ария про холодную ручонку или куплеты Эскамильо.

Можно спеть целую жизнь.

(Или нарисовать.)

Ни петь, ни рисовать – как говорят о крепко выпивших – это не его случай. Его случай – выбрать одно из двух, вырастить голос (у него – солидный баритон, ну ладно, бари-тончик!) или положиться на тот, внутренний, неслышимый голос художника, который в детстве заставлял его плакать от отсутствия чистого листа. Не на чем рисовать – вот это горе.

А вдруг получится и то, и это? Берёшь два горошка на ложку, хватаешь сразу двух зайцев за уши и удобно садишься между двумя стульями фирмы «Тонет» – почему бы и нет? Бородин вообще был химиком – но написал «Князя Игора». А Чехов – врач. А мальчик представляет себя солистом опе-

ры (лучше бы, конечно, тенором) и в то же время художником, придумавшим декорации к «Аиде», «Травиате», «Фаусту»...

Отныне мальчик ходит в оперный почти каждый вечер – билетёрши кивают ему, как знакомому, иногда пускают бесплатно.

Дома он рисует или читает о рыцарях Круглого стола: так увлекается, что не слышит мамин голос из-за стенки:

– Я ещё утром просила тебя вынести помойное ведро!

Свердловск – выцветший дагерротип, из которого так легко и приятно уйти в другое время, где блещут латы, падают забрала и рыцари ведут себя по-рыцарски, а мушкетёры – по-мушкетёрски.

Однажды летом из чёрной тарелки сказали, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину

Мальчику – тринадцать. Городу – двести восемнадцать. Театру – двадцать девять.

2

Театр оперы и балета, театр оперы – и билета... Не всегда получается выкроить денег, но сердобольные контролёрши иногда кивают ему, не глядя в глаза: «Проходи!» Как будто стесняются собственной доброты. Мальчик так плохо одет – а впрочем, кто сейчас хорошо одет? Рваная телогрейка, башмак с оторванной подмёткой. И голодный, наверное. А впро-

чем, кто сейчас не голодный?

Мама однажды спросила – что бы ты первым номером сделал, Витя, если бы война закончилась прямо сейчас?

Он ответил быстрее, чем она договорила:

– Купил бы целую булку хлеба и съел её.

Не понял, почему мама заплакала – разве он сказал что-то грустное?

Свердловск, глубокий тыл. Надёжное место для того, чтобы спрятать самое ценное – машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов, сопрано и контральто.

Идёт война, а под фонарём Мельпомены идут спектакли.

К ним в квартиру «по уплотнению» вселяют эвакуированных из Одессы – коммерческий директор военного завода Мирон Григорьевич, его жена Лия Львовна и дочка Рая. Вот она, Одесса, сама пришла, как гора из поговорки. Лия Львовна любит оперу, разбирается в музыке – с ней интересно разговаривать, обсуждать голоса и дирижёров. Она поддерживает мальчика и откуда-то знает – опера защитит его, музыка спасёт от войны, а пение – от голода.

Пластинки и походы в театр делают своё дело – теперь мальчик знает наизусть партии Риголетто и Онегина. Вечером на галерее он подпевает любимцам публики – но этого, к счастью, никто не слышит, поёт лишь его внутренний голос.

Других театров мальчик не знает, Свердловский оперный – единственный в его жизни и поэтому самый лучший. Вой-

ной – как в невольной рифме, волной – сюда принесло известных дирижёров, музыкантов-виртуозов и солистов, которых знал весь Союз. Густая кровь, мощные голоса, от которых плавится зал и вибрируют ложи.

В 1941 году в Свердловск приезжает греческий баритон Ян Вутирас. В Трапезунде его звали Яннис;

новая родина первым делом отхватила пол-имени, а потом последовательно научила бояться и петь.

Поёт он божественно – если допустить, что боги умеют петь.

«Вутиро» по-гречески – «масло». Голос Вутираса – мягкий, южный, с масличным привкусом, баритон. Когда маленькому Яннису исполнилось четыре, турки начали резню в Трапезунде: два ничем не связанных события, одно из которых навсегда изменило жизнь будущего Мазепы, Демона и Фигаро. Тёмной ночью семья Вутирас – родители и четверо ребятишек – бежали на лодке в Батум. Яннис стал Яном, брал уроки музыки у итальянца, потом переехал в Ленинград и учился в консерватории, у самого Николая Большакова. В Свердловске есть улица, названная в честь его однофамильца – пусть это и совпадение, но всё равно приятное. Вутирас окончил консерваторию и получил приглашение в Михайловский театр – это был удачный для него год, 1941-й, он так прекрасно начинался! У него и жена к тому времени была, и дочка – но вот тестю Вутирас не полюбился: бедный, говорит, не чета нам – да ещё и *грека* к тому же. Сунул руку

в реку, то есть в карман, а там – дуля. Пусто. Дырка от бублика, на что семью кормить будешь?..

С женой они расстались, но чего стоят планы человека, когда у бога свой расчёт? Из брошенных в землю Ареса зубов дракона выросли воины, страна разом вспыхнула войной – а в ленинградской дирекции вдруг вспомнили, что новый баритон – грек, иностранец, чужак, потенциально опасный тип. Можно сказать, уже сослали его от греха подальше в Среднюю Азию, да тут подвернулся свердловский оперный директор Макс Ганелин. Перехватил Вутираса буквально в воздухе – как акробат ловит неудачливого товарища, летящего с трапеции.

Главная цель директора провинциального театра – заманить на свою сцену выдающихся артистов. Вечная проблема – не выпустить их впоследствии из города. Каких только партий не пел здесь Вутирас! Как его обожала публика – все стены в подъезде родного дома исписаны признаниями... Поклонницы считали честью постоять в калошах Вутираса, оставленных перед спектаклем в ящике за служебным входом.

Вот девушки в партере возмущаются – нет, ну какая дура Татьяна! Как можно было предпочесть этого Гремина *нашему* Онегину? Я бы, говорит одна, закинула свой малиновый берет куда подальше – и к нему!

Мальчик со своего места в галерее не слышит этих слов и смеха – он ждёт, когда на сцену выйдут обожаемые солисты.

Великая «тройка» – Даутов, Китаева, Вутирас. Нияз Даутов – тенор, герой в белом трико. Ленский, Мизгирь, Фауст... О нём шепчут разное, точнее, не разное – как раз таки одно и то же, но любят его так же страстно, как и грека-баритона. Валентина Китаева – сопрано, красавица, Джульетта, Розина, Виолетта. В далёком будущем мальчик (уже давно не мальчик) придёт на похороны к старенькой примадонне Китаевой – и ни коллег, ни поклонников у гроба не будет. Но вот он же пришёл, Витя, Виталий Михайлович, для которого пела в голодные военные годы Валентина Китаева. Может, он и выжил потому, что они для него пели: Китаева, Даутов, Вутирас...

Позади театра растут две лиственницы – какое всё-таки странное название для дерева с иголками, пусть они и опадают, как листья, и лежат на снегу такие яркие, жёлтые... Пожалуй что, слишком жёлтые. Мальчик чувствителен к цвету, относится к нему с вежливой осторожностью. Он много рисует в последнее время, кажется, у него что-то получается – но очень сложно понять, получается ли это взаправду.

В доме очень холодно, и в художественном училище, куда приняли мальчика, тоже. Вода в стаканчиках покрывается коркой льда, ученики пробивают её кисточками. На улице теплее, чем здесь, пытается шутить кто-то.

Слова «холод» и «голод» отличаются одной лишь буквой и повсюду ходят вместе. Когда ешь, немного согреваешься. Когда чуть согреешься, голод ненадолго отступает.

Мама болеет, и однажды мальчик не может найти дров, чтобы растопить печь. Он ворует берёзовую чурку с чужой поленицы, и мама страшно кричит на него. Это так несправедливо, ведь он украл полено для неё, чтобы она согрелась...

В ТЮЗе идёт спектакль по маминой пьесе «Костя-партизан». В дом приходят писатели, актёры, художники, эвакуированные из Москвы. Один такой художник – Феликс Лемберский – внимательно разглядывает рисунки мальчика и удивляется вслух:

– Но почему вы рисуете только чёрным и белым? Мир в красках так интересен...

С собой гости приносят угощение – кто что может. Чаще всего это яичный порошок – мама разводит его водой и жарит на сковороде большую бледно-жёлтую лепёшку, одну на всех.

3

Ян Вутирас хотел бы не вздрагивать от звука незнакомых шагов и дверного звонка, прижатого чужой рукой. Не бояться угроз, ножей, дурного взгляда и завтрашнего дня. Свердловск принял его, театр обласкал, публика – полюбила.

Но, боже мой, как здесь было холодно! И этот снег, от которого болят глаза, будто кто-то влез тебе под веки и водит туда-сюда ледяными пальцами... Конечно, он и в Ленингра-

де зябнул – тоже не Греция, но там не было такого мороза, чтобы враз леденели окна.

Лето в Свердловске – слабенькое, маломощное. Как украли.

Вутирас в первый же год работы в театре познакомился с молоденькой балериной – тоже приезжая, из Херсона. Родная, горячая кровь, тоска по климату, но, вообще-то, в первую очередь любовь. Они прожили вместе всю жизнь, но поженились далеко не сразу: шла война, у грека не было документов, он – подозрительный тип, иностранец. Эта ария исполнялась строго по нотам. Двоих детей родили, старшего Яна выпаривали в вате: он явился на свет недоношенным, а потом стал известным в Свердловске врачом.

Вутирас обожал свою жену, называл «моя статуэточка!».

Статуэточка держала дом и домочадцев железной рукой. У балерин вообще сильный характер.

По-русски Вутирас говорил разве что с самым лёгким акцентом, ну а когда пел – этого никто не замечал. Всё внимание зрителей – голосу, дару перевоплощения. Узнать Вутираса в гриме не могли даже близкие! Амонасро, Елецкий, Риголетто...

А мальчику Вите в последнее время казалось, что и сам он как будто носит грим. Скрывает под одной сущностью совершенно другую. Теперь ему хотелось не только слушать любимые арии, но и петь самому. Каждый вечер в театре он примерял на себя роли Вутираса – казалось, придется впору

Свердловский театр во время войны – фабрика грёз, какая не снилась Голливуду Сюда приходили, чтобы забыть и забыться. Реальность безжалостна: на рынке какой-то военный *купил* себе женщину, дома и в училище лютый холод, мама болеет, и всё время хочется есть. Раньше мальчик прятался в книгах, называл одноклассниц «сударынями» и вызывал врагов на дуэль. «Клянусь честью» – говорилось по любому поводу. Терерь он скрывался в театре. Театр был – другой мир. Дирижёр Маргулян становился перед пюпитром, закрывал партитуру и дирижировал по памяти. Открывался занавес, появлялся хор и солисты: ослепительные костюмы, блистательные голоса! Однажды Вутирас пел Онегина – в сцене объяснения стоял, облокотившись на берёзку, как вдруг она начала падать. Вутирас допел арию до конца, взял берёзку и унёс её со сцены.

Публика была в восторге!

Впрочем, она почти всегда была в восторге – солистам аплодировали по десять минут! У мальчика начинали болеть ладони, но в этом было такое счастье, такая великая радость – делать что-то со всеми вместе. Молитва атеиста, чудо оперы.

В театре, как в мечети или королевском дворце, есть женская и мужская стороны – мальчик знал об этом от мамы, она многое рассказывала ему – но всё-таки он не представлял себе закулисной жизни, хотя и примерял её к себе всё чаще.

И сам, незаметно для себя, но заметно для других начал

петь. С утра до вечера исполнял арию графа ди Луна, каватину Феррандо и прочая, прочая, прочая... Домочадцы просили пощады. Пел он, без сомнений, громко, но оценить прочие качества исполнения мама и отчим не могли, а что-то с этим делать было жизненно необходимо – иначе вскоре все они оглохнут. Мама взяла телефонную книгу – искала номер Вутираса, но не нашла. Зато там был домашний телефон Иосифа Михайловича Вигасина – ещё одного солиста оперы, знаменитого Яго, которого мальчик тоже обожал.

– Мы с вами не знакомы, но именно вы – косвенный виновник моего несчастья, – заявила мама Вигасину. Яго заинтригованно молчал. – Дело в том, что мой сын увлечён оперой, обожает вас и изводит нас своим пением. Пожалуйста, умоляю, послушайте его и скажите – стоит ли ему заниматься этим серьёзно. Если да, то мы готовы страдать, но если нет – пусть он всё это бросит и перестанет нас мучить, потому что это невыносимо...

Вигасин рассмеялся. Сказал, пусть мальчик придёт к нему завтра домой. Жили они на улице Шарташской, женой Вигасина была преподавательница консерватории с роскошным, прямо-таки сценическим именем Фрида Образцовская.

Мальчик шёл к ним, умирая от волнения, – долговязый подросток в старой телогрейке, ботинки сношены, как у тех статуй в монастырях, которые по ночам оживают и обходят нуждающихся. Подмётки он привязывал верёвочками, а драгую телогрейку носил почти всю войну, пока маме кто-то не

отдал для него старый рыжий кожан, к сожалению, женский. (Если не говорить, что он женский, – могут не заметить, и вообще, кому какое дело.)

Представьте, что чувствует молодой человек, когда дверь ему открывает любимый артист – такой неузнаваемый без грима... Представьте, что он чувствует, когда артист слушает его, почти не морщась, и признаёт – да, у вас есть голос, будем петь!

Фрида Образцовская стала играть с мальчиком гаммы, Вигасин ставил ему дыхание, слушал, поправлял. Однажды Витя исполнял романс Даргомыжского «Мне грустно», и Вигасин вдруг остановил его жестом. Набрал номер телефона Глазуновой – той самой Маргариты Разумниковны Глазуновой, меццо-сопрано, которая пела Далилу, Кармен, Кончаковну!

– Ну-ка, Маргарита, послушай! – сказал Вигасин и протянул мальчику телефонную трубку. Он пел в неё, как в микрофон, вначале робко, а потом всё больше доверяясь своему голосу, раскрывая душу, как книгу: «Мне грустно потому, что весело тебе...» – Что скажешь? – спросил Иосиф Михайлович, отобрав микрофон, то есть телефонную трубку у своего ученика.

– Скажи этому парню, – засмеялась Маргарита Разумниковна (а вместе с ней смеялись Кармен, Далила и Кончаковна), – если ему действительно грустно, не надо реветь, словно раненый буйвол!

...Война окончилась, город медленно приходил в себя – грязный, уставший и так-то неяркий, в конце сороковых он выглядел как сотый оттиск с гравюры. Голодные обмороки, ссоры в трамваях из-за пустяков: нужно время, чтобы прийти в себя, а точнее – выйти из себя прежних. Мальчик приходил на занятия в художественную школу и, фасоня, небрежно ронял на парту клавир своей любимой «Пиковой дамы» или ноты ариозо Тонио из «Паяцев». В мечтах он уже был оперным певцом, а изобразительное искусство потускнело, расплавилось под софитами.

Чтобы не сводить с ума домашних репетициями, мальчик уходил в безлюдный парк Павлика Морозова – и пел там во весь голос, не обращая внимания на холод и ледяной ветер, впивавшийся в горло сотнями холодных иголок.

А Ян Вутирас, всю войну дававший концерты на заводах и в госпиталях, вечерами по-прежнему выходил на сцену оперного театра. Близились премьеры его главного спектакля – «Симон Бокканегра», – как вдруг Вутираса снова решили выдернуть из привычной почвы: опасный человек, иностранец, грек. Судить, сослать, посадить. К счастью, секретарём обкома партии работал его страстный почитатель – в калошах он, может, и не стоял, но на поклонах хлопал так яростно, что руки горели ещё долго. Он отстоял Вутираса, а может, и не только он один. Свердловск не отдал своего грека.

Жили Вутирасы к тому времени на проспекте Ленина, 46, в Доме артистов. Соседи – Даутов и Китаева. Даже здесь все

они были неразлучны.

Правда жизни и правда искусства отличаются друг от друга сильнее, чем холод и голод. По законам искусства Вутирас должен был хотя бы раз пройти мимо парка Павлика Морозова, где драл глотку юный певец Виталий. Но правда жизни неумолима – они так и не встретились нигде, кроме театра, причём Вутирас был на сцене, а мальчик – на галёрке. И всё же эти судьбы оказались зарифмованы, сведены к одному знаменателю театром и городом.

Распевки в зимнем парке Павлика Морозова окончились трагически – злокачественной ангиной. Мальчик не мог больше петь и снова вернулся в зыбкий, ненадёжный мир изобразительного искусства, где тоже нужно было искать свой голос. Мама сочувствовала, но считала, что художник из Виталия получится скорее, нежели певец.

В 1945 году студентов художественного училища отправили «на отгрузку» картин из Эрмитажа – пережившие войну шедевры возвращались из тыла домой в Ленинград. Мальчик ловко подхватил очередной ящик, как вдруг работница Эрмитажа воскликнула:

– Бога ради, осторожнее, молодой человек! Здесь «Блудный сын» Рембрандта!

А в июне 1950 года умерла Клавдия Филиппова – мама мальчика. Похороны он помнит как сон – из тех, что снятся человеку всю жизнь.

Вот его будущая жена Томка, которую так любила мама.

Вот Павел Петрович Бажов говорит со слезами:

– Клавочка, милая... Это я должен был умереть. А тебе бы жить да жить...

(Бажова не стало в декабре того же года.)

Вот ещё какие-то люди – сочувствуют, плачут, суют деньги, обещают помогать.

Смерть в опере и смерть в жизни никогда не были сёстрами. Даже Мельпомена и Талия, трагедия и комедия, больше похожи друг на друга – не зря античные скульпторы изображали их с одинаковыми лицами. Мельпомена вполне могла засмеяться, а Талия – заплакать.

Мальчик больше не поёт, но – вот интересно! – на всю жизнь с ним останется благородный, бархатный, вибрирующий баритональный бас. Когда он говорит с женщинами, те клянутся, что этот голос отдаётся у них где-то внутри. Возможно, так происходит оттого, что женщины осознают, с кем беседуют – это же знаменитый художник Виталий Волович! Ему, знаете ли, даже памятник стоит в городе, недалеко от проспекта Ленина.

– Не памятник, скульптура, – поправляет художник, смеясь. – И не только мне.

Их там трое – Михаил Брусиловский, Виталий Волович, Герман Метелёв. Скульптурная группа «Горожане». Рост статуи Воловича – 2,4 метра (Мельпомена – выше), вид суровый, но справедливый, как у сказочного волшебника.

Изобразительное искусство одержало победу над музыкой

– к счастью, мы любим не только то, над чем работаем, но и несчастьем, работаем не только над тем, что любим.

Сразу после войны Волович преподавал в том же училище, где совсем недавно учился, и, уходя с занятий, спускался в филармонический зал – громко пел арии для единственного своего слушателя, терпеливого друга, художника (и тоже прогульщика) Лёши Казанцева.

Теперь после маминой смерти он жил один, до женитьбы на Томке следить за его питанием было некому – Волович приходил в училище к началу вечерних занятий, покупал восемнадцать пирожков с повидлом и съедал их, запивая водой из графина.

В семидесятых в Свердловске выступал Александр Ведерников – знаменитый московский бас из Большого театра, – пел Мельника в «Русалке». Кто-то познакомил его с Воловичем, и они вдвоём заглянули в Союз художников.

Волович обратился к местной сотруднице, молоденькой, не знавшей его, – и она восхищённо вымолвила:

– Ой, вы, наверное, поёте! Этот-то, – она небрежно махнула рукой в сторону лучшего баса страны, тоже что-то сказавшего по случаю, – видно, что простой человек, а у вас такой голос! Опера, да?

Ведерников впоследствии клялся, что это был приятнейший момент в его жизни!

Ян Вутирас не учил детей греческому языку, но передал им свою мечту о Родине вместе с кровью. Когда границы открыли, Елена, дочь Вутираса, уехала в Грецию – и забрала с собой его маленькую внучку Ольгу. Прославленный баритон не успел увидеть девочку – он умер незадолго до её появления на свет, в возрасте шестидесяти одного года. Похоронили Вутираса на Широкореченском кладбище – какая же холодная земля в этом Свердловске...

А Виталий Волович стал знаменитым художником-графиком. И если архитектура – это застывшая музыка, то графика Воловича – это опера, которая звучит во всю мощь. «Турнир» – два голоса, которые спорят друг с другом, но складываются при этом в гармоничный дуэт. «Пустой панцирь учит ангелов петь» – белокрылые ангелы стоят перед пустотелым монстром навтыжку: эта работа появилась после одного из бесчисленных партийных собраний, где художникам *ставили задачи*. У Воловича всё звучит, поёт, вибрирует, иззубренные рыцарские мечи превращаются в виолончельные смычки, а кресты – в дирижёрские палочки. Шут поёт в терцию с распятым Христом, и полые рясы проходят по листу, как артисты миманса по сцене. Пальцы Изольды и Тристана соприкасаются, точно звуки в хроматической гамме. Арфа, лютня, флейта, песни миннезингеров и трубадуров, высокие

ноты и высокие чувства... Клянусь честью, сударыня, *этот голос* не убьёт даже самая злокачественная ангина. Напротив, он будет крепнуть с каждым годом, и даже сам художник однажды поверит с миллионом оговорок, – *кажется, вроде бы, возможно*, – что у него действительно *получается*. Хотя он не особенно верит похвалам и ценит мнение немногих.

У него есть друзья, и любимая Томка стала его женой, и родилась дочь Леночка, и вот уже появились внуки – птица не успела махнуть крылом, Мельпомена всё так же тянет кверху свой фонарь, мальчик стал вначале мужчиной и мужем, а после – дедом и прадедом. Он иллюстрирует «Отелло», «Тристана и Изольду», «Ричарда III», он пишет с натуры старый Екатеринбург – первым стал изображать его слегка расфокусированным, искажённым, домики внаклон; потом эту манеру подхватили другие художники. Рисует Ригу, Париж, Бухару, Иерусалим... Работает над офортами, что означает вечную занятость, грязные руки и острую, как терновый венец, головную боль.

Томка, рассердившись, сказала однажды:

– Я – жертва офорта!

Он работает каждый день без выходных и перерывов – даже если это его день рождения или всенародный праздник. Выставки, альбомы, Золотая медаль Академии художеств, работы хранятся в Третьяковке, Русском, Пушкинском, их покупают для частных коллекций.

Первой проданной работой Воловича стал юношеский

этиод оперного театра – фасад, вечерние огни, чёрно-белая юность... Известный уральский художник Иван Кириллович Слюсарёв остро взглянул на ту работу и сказал:

– Я хотел бы купить эту вещь!

5

Театру – сто четыре года, городу – двести девяносто три, а мальчику... Неважно, сколько ему лет и что мальчиком его уже теперь никто не называет. Важно, что он идёт в свою мастерскую мимо оперного театра, где поёт сегодня Ольга Вутирас, вернувшаяся на Урал из Греции. Колоратурное сопрано, Царица ночи, Мюзетта, Джильда...

Мельпомена изо всех сил тянет руку с фонарем повыше к звёздам и тихо, неслышно смеётся.

Никто не умеет рифмовать лучше, чем жизнь, – даже искусство.

Клянусь честью!

Имя на камне

ИМЯ НА КАМНЕ

1 Ксения Михайловна Лёвина – жена одного профессора Матвеева и мать второго

2, 5 Константин Константинович Матвеев – минералог, знавший о камнях больше, чем о людях

3, 4 Александр Константинович Матвеев (на 5 фото он второй справа) – толкователь имён и названий

Имена в этой семье чередовались, как шахматные клетки, – бабушка Юлия и внучка Юлия, дед Константин и внук Константин. Пришлые, неродовые имена приживались трудно, семейные росли спокойно и без суеты, и даже если некоторые – Михаил и Мария – считались несчастливými, их всё равно вручали детям как племенную отметину Матвеевы – старинный уральский род с корнями из железа и камня, с вековым запасом жизнелюбия и одержимости собственным делом. Фамилия простая, никаких вам «шестых столбовых книг». Семейное древо держал на своих крепких плечах некий Матвей, рабочий Екатеринбургского монетного двора.

Мытарь Матфей на холсте Караваджо робко показывает на себя пальцем: неужто меня зовёшь? Константин Константинович, потомок Матвеев, не имел сомнений в том, что судьба и удача обращаются к нему напрямую – так и должно быть. Учёный-минералог, исследователь земных недр ли-

цом был похож на Троцкого, Чехова и Свердлова – выбирайте, кто вам ближе. Младший сын профессора – Александр Константинович, а пока ещё просто Саша, Санчик, родился в 1926 году. Во дворе дома на улице Народной Воли его дразнили *Фафа злой*. Не все звуки выговаривал, потому и Фафа, а не Саша. Характер имел решительный, кулаки держал наготове, потому и злой. Имя Александр в семье тоже не чужое, но этот листок вырос на материнской ветви дерева – так звали отца Ксении Михайловны Лёвшиной, невенчаной жены профессора Матвеева и матери восьмерых его детей. Тот Александр (давно уже *tot*) проживал в Швейцарии, имел виллу на берегу Женевского озера и писал стихи по-немецки готическим шрифтом. Тёплое слово *дедушка* к нему не пристёгивалось.

Александр означает «защитник», Константин – «постоянный». Александр Матвеев, посвятивший себя изучению имён собственных, в их магию не верил, но защитником, безусловно, был. Защитником своих детей, своего дела, а главное – русского слова. Его отец Константин Константинович (дважды постоянный) ни разу не изменил своей науке – минералогии.

Для кого-то камни холодны и скучны, а кто-то считает их живыми да ещё и способными влиять на судьбу. Горный хрусталь сделает вас ясновидящим, змеевик предупредит об опасности, а попутно снимет головную боль. Родонит вселяет радость и пробуждает таланты, малахит изгоняет меланхо-

лию, селенит отвечает за искусство убеждения, ораторский дар. Константин Константинович любил селенит – минерал с матовым блеском и солнечным зайчиком внутри. Лунный камень тёплого цвета, приятный на ощупь и противопоказанный людям капризным, замкнутым, одержимым несбыточными мечтами. Все мы любим то, что нам противопоказано.

Константин Константинович родился 5 марта 1875 года в уездном уральском городе Камышлове. «Камышовый» по-башкирски – *камьшлы*. Мать Константина Константиновича сдала экзамен на сельскую учительницу, отец, Константин Никанорович, был коллежским регистратором, дослужился лишь до чиновника 14-го класса. В школе он занимался усердно, и в 1859 году его даже направили в Петербургский технологический институт как стипендиата горного ведомства. Жаль, что завершить обучение не удалось – он по собственному прошению был уволен из числа стипендиатов по состоянию здоровья. Работал на заводах, приисках, служил в Верхотурском приходском училище, впоследствии был удостоен звания учителя арифметики и геометрии в уездных училищах. У Марии Степановны и Константина Никаноровича было трое детей – Мария, Владимир и Константин. Имена, как заклятия, повторялись через поколение, но порою спешили вне очереди.

Александр не мог вообразить своего отца ребёнком – а кто смог бы? Суровый человек в мундире, лохматый, бородастый, пенсне сидит на переносице, как птица на жёрдочке. К младшим детям – Александру и Ксении – отец внимания не проявляет, со старшими – Андреем, Юлией, Михаилом – тоже всё не слишком ладится. Минералы для него интереснее людей, во всяком случае, в них больше загадок. Люди предсказуемы, несправедливы, могут стать помехой на пути к научным открытиям: лежат как камни на дороге! И всё-таки даже он был когда-то ребёнком, этот строгий старик, годившийся Саше скорее в деда, чем в отца. Ребёнком, похожим на школьных друзей-соперников, тех, что выучивают все домашние задания и пишут изумительно разборчивым почерком.

Константин Константинович был безупречным учеником – окончил курс в Тарасковском начальном *училище*, в августе 1888 года держал экзамены в четырёхклассном Екатеринбургском. Знания по всем предметам и поведение оценены на «отлично», но летом отличнику приходится подрабатывать на золотых приисках: семье нужны деньги. Константин Матвеев переезжает в Оренбург (маленький Саша с лёгкостью находит этот город на карте Урала: с детства хорошо разбирал географические карты, география была его любимым предметом в школе, учитель по прозвищу Морж гордился своим учеником). В Оренбургском учительском *институте* старший Матвеев обучается за казённый счёт, ему

уже двадцать, и он должен повторить судьбу своего отца. Вместе с именем Константину Константиновичу достаётся *путь*, который кажется неотменимым и, более того, единственным. От брошенного камня расходятся круги по воде, имя тянет за собой судьбу.

Константин Константинович впрягается в лямку: преподаёт в училище Мотовилихинского завода в Перми, быстро становится заведующим и старшим преподавателем, мужем Клавдии Филипповны и отцом девочки Веры, мальчика Льва, а затем и мальчика Глеба. Судьба катит по привычному маршруту, не обращая внимания на повороты; но учительская лямка натирает душу, особенно в области честолюбия. Чтобы сбросить её, придётся стать учителем самому себе – пройти гимназический курс: латынь, греческий, немецкий. Спасибо естественной склонности к естественным наукам – они даются ему легче языков. Предстоит сдавать экзамен на аттестат зрелости. Дети растут, год идёт по кругу и, как уроборос, кусает собственный хвост. Весной вдоль дорог розовеют нагие берёзки, в лужах стоит синяя апрельская вода. Константин Константинович успешно держит экзамен и теперь, по закону, имеет право поступать в любой университет России. Выбрал столичный, но Санкт-Петербург отказал двадцатипятилетнему абитуриенту по причине политической неблагонадёжности. Всего-то выступил в одном из революционных кружков с докладом о книжке Плеханова... Эта «неблагонадёжность» в будущем сослужит старше-

му Матвееву хорошую службу. Его не будут преследовать по сословному признаку, простят женитьбу на дворянке.

На пороге топчется страшный век, такой ещё молодой и чистый, что даже в мыслях нет предъявлять ему претензии. Константин Константинович зачислен студентом естественного отделения физико-математического отделения Киевского университета. Семья, конечно, в Перми. Семья всегда «в Перми», то есть отдельно, в стороне, вроде бы она есть, а вроде бы – нет. В конце концов, что важнее – жена с детьми или серьёзная научная карьера? Для Константина Константиновича ответ однозначен, а если кто из вас без греха, пусть первым бросит камень... Какой это, кстати, будет камень? Не исключено, Екклесиастов, из тех, что нужно то бросать, то собирать...

Уклонился от семейных объятий – его ждёт наука. Через год учёбы в Киеве Матвеев добивается перевода в Санкт-Петербург, где он встретит и своё призвание, и главного в своей жизни человека – юную Ксеничку Лёвшину. Долговязый (почти два метра ростом) студент снимает комнату в доме на Мещанской у Юлии Александровны Лёвшиной, вдовы действительного статского советника. Её младшая дочь Ксения – вчерашняя гимназистка, некрасивая, но миленькая, свежая, к тому же породистая, из дворян: осанка, взгляд, манеры. Немного похожа на невесту Самсона с известной картины Рембрандта. Далеко от улицы Мещанской растут девочка Вера, мальчики Лев и Глеб. Клавдия Филипповна верит в

своего мужа – его учёба в Петербурге обеспечит семье процветание.

А для номинального мужа важно отыскать свой путь, не ошибиться с выбором. Да, Генрих Шлиман уже ребёнком знал, что найдёт Трою, но не каждому так везёт. Наука для Константина Константиновича – сверкающий мир открытий, но что это будут за открытия, он и сам пока что не ведает, зато не сомневается в том, что Ксеничка Лёвшина поедет за ним на Урал.

Много лет спустя Александр Константинович окончит Хабаровский педагогический и вернётся в Свердловск, чтобы преподавать латынь и античную литературу студентам университета. В точности как его отец (структура повторяет *структуру*, имя подсказывает дорогу), он не сразу найдёт свой путь, твёрдо зная, однако, что дорога эта именно и только в науке. Старший Матвеев, геолог, искал месторождения минералов, младший, филолог, – залежи утраченных слов, осколки языков вымерших народов, а через них и сами эти народы. Отец и сын находили разное в одних и тех же местах. Полезные ископаемые Константина Константиновича и глубинный субстрат русской речи Александра Константиновича имеют общую *суть*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.